

ВОСПОМИНАНИЯ   МОНАХИНИ

М. ВЕРОНИКА

(КОТЛЯРЕВСКАЯ)

+

Издание газ. «Русская Жизнь»

2458 SUTTER STREET

San Francisco 15, California

Printed in United States of America

ВОСПОМИНАНИЯ   МОНАХИНИ

М. ВЕРОНИКА

(КОТЛЯРЕВСКАЯ)

+

Издание газ. «Русская Жизнь»

**2458 SUTTER STREET
San Francisco 15, California**

Printed in United States of America

На станицах этой книжечки матушка Вероника описывает весну своей жизни. Что, может быть, радостнее весны, когда все пробуждается к жизни, когда все живое охвачено единым порывом — упиться от истоков торжествующей радости бытия... Весна это праздник жизни. Но весна в природе это только прообраз, только слабый отблеск вечного веселия, вечного торжества жизни, которое находит верующая душа в чертогах небесных. Не видело то око, не слышало то ухо, что угодовал Господь любящим Его!

Матушка Вероника описывает весну своей души, когда ее душа, после хлада духовной зимы, пробудилась к свету и теплу небесной радости и жизни.

Она правдиво и объективно описывает духовную и церковную жизнь Русского народа под игом безбожной власти. Все мы интересуемся судьбой своего народа и своей родины, мы стремимся понять: как живет русский народ, куда он идет? Для уяснения этих вопросов много дают хотя и краткие, но такие содержательные воспоминания матушки Вероники.

На закате ее дней, Господь вывел ее из пределов Родины, этой юдоли скорби и плача, она скончалась во Франции в февралье этого года.

Иеромонах Димитрий

Выписать можно:

1520 Green Street,

San Francisco 23, Calif.

ВОСПОМИНАНИЯ МОНАХИНИ

Выросла я в неверующей русской интеллигентной семье. Меня окружали широко образованные люди, жившие научными и литературными интересами. Врожденная любовь к искусству и поэзии еще усилилась и развилась, благодаря частым поездкам за границу и знакомству с лучшими музеями и галереями Западной Европы.

Из картин раннего детства смутно помню путешествие с няней по пещерам Киево-Печерской Лавры, темные своды, раки святых. Няня берет меня на руки, я целую какую-то холодную доску. Из мрака протягивается рука монаха и на лбу у меня запечатлевается душистый масляный крест. Потом чудесный вид на Подол с голубой извилистой лентой Днепра. Белая с золотом церковь Андрея Первозванного, Михайловский монастырь, пурпуровый бархат на завесах высокой раки с мощами Варвары Великомученицы. Помню узкие переходы в Софийском Соборе, огромную фреску Страшного Суда. Она очень поразила и испугала меня. Самое сильное впечатление на мою детскую фантазию произвел Владимирский Собор; Васнецовские лики святых на всю жизнь врезались в мою память. Помню малиновую лампадку на угольнике над няниной кроватью в детской и несколько иконок. Няню сменили гувернантки и все это забылось. Этот трепетный огонек мерцал иногда потом где-то в тайниках души.

Жизнь шла ярко, пестро, была до краев наполнена наукой и впечатлениями искусства.

На Высших Курсах я очень усиленно занималась философией, но не могу сказать, что эта наука приблизила меня к Богу. Смутные искания очень тревожили меня в эти годы учебы. Книги не удовлетворяли, мы стояли перед глухой стеной, напрасно искали выхода в вечность:

За поясом млечным

Священным вопросам ответ (Брюсов)

Все науки человеческие были конечны и упирались в стену... Потом жизнь захватила еще властнее и ярче. Это был пышный расцвет искусства и поэзии после удушливого гнета 80-х годов прошлого столетия. Перед избранными представителями нового поколения широко распахнулись двери в волшебный мир неисчерпаемых возможностей Западной Европы конца века. Воскресло забытое понимание красоты дедов и прадедов. Все работали с быстротой и увлечением, жадно встречали каждый творческий порыв. Это было буйное опьянение перед внутренними глазами художника миром, лихорадка творчества.

Все торопилось жить и бурно насладиться новоявленной

красотой, словно чувствовали краткость отпущенного историей им срока.

Расцвет Московского Художественного Театра, «Мира Искусства», ошеломляющий успех Дягилевских постановок в Европе... Все были молоды, юношеский задор, непоколебимая вера в себя, исключительная одаренность ослепляли всех служителей искусства... Но вскоре наступило другое... Среди роз ясно ощущался запах тления. Это настроение уже ясно проглядывало на выставке старинных портретов, устроенной Дягилевым в Таврическом Дворце. Собирая портреты, Дягилев побывал во многих дворянских гнездах. На банкете по поводу выставки он сказал:

— Чувствуете ли вы, что длинная галерея портретов малых и великих людей, которыми я постарался населить залы Таврического Дворца, есть лишь грандиозный убедительный итог, подводимый блестящему, но, увы, омертвевшему периоду нашей истории? Именно после этих жадных странствований я особенно убедился в том, что наступил час итогов. Это я наблюдал не только в блестящих обликах предков, так явно далеких от нас, но, главным образом, в доживающих свой век потомках. Мы свидетели величайшего в истории момента итогов и концов во имя новой неведомой культуры, которая нами возникнет, но и нас же отметет. А потому, без страха и неверия, я подымаю бокал за разрушенные стены прекрасных дворцов, так же, как и за новые заветы «новой эстетики».

Мы даже и не заметили, как свежие краски и заметная яркость «нового» искусства потускнели и поблекли. Пресыщенность, тоска, неудовлетворенность сменили прежнее увлечение и восторженность... Изверившиеся в себе и окружающих, пресыщенные люди, опять очутились в тупике... Выход не был найден. Единственный прямой, «царский» путь был более забыт, чем когда либо. Церковь пустовала. Духовно, под влиянием общего настроения, далеко не всегда было на высоте своего призвания.

Духовная внутренняя спячка охватила даже лучших людей в России. И первая мировая война жестоким предупреждением ударила всех по нервам, нарушила духовное забытие, но далеко еще не совсем разбудила потерявшие свой внутренний облик души. Необходимо было глубокое страдание, потрясающие муки, чтобы погруженные в нравственное оцепенение люди воспрянули в духовной жизни. Я говорю здесь о более интеллигентных слоях. Простой народ — наш многострадающий русский народ — всегда более и менее сохранял в себе искру веры в Бога и, следовательно, возможность возвращения к Нему. Конечно, и среди интеллигенции были единицы, хранящие заветы Господни в своих душах, но они составляли исключение среди общей, безразлично настроенной, массы.

Первые интеллигентные христиане, которых я встретила на своем жизненном пути, были актеры, муж и жена. Это было в

1911-12 гг. Из Москвы я переехала в Петербург. Меня поразила она, так мало похожая на актрису: гладко причесанная, не подведенная и не накрашенная, в простом английском костюме тайор, она испытующе посмотрела на меня своими ясными, серьезными глазами. Ее муж, известный на всю Россию актер, тоже с любопытством внимательно следил за мною. Вскоре мы подружились; актеры почти у них не бывали, и я составила исключение.

Их квартира была наполнена чудесной старинной мебелью красного дерева. Меня удивили, непривычные для меня, большие киоты, наполненные тоже старинными иконами в тяжелых серебряных ризах. Перед ними горели массивные лампы.

Все эти образа, выдвинутые на первое место, говорили о том что в жизни хозяев они важны и нужны. Р. Б., верующий с детства, верил очень спокойно, крепко и просто. Религия вошла в его плоть и кровь, была ему необходима. Его жена, ставшая верующей недавно, верила порывисто, с разными преувеличениями и большим участием головы. Впервые я видела людей, для которых вера не была простым звуком, а делом всей жизни. Многое мне было странно: как он, посвященный в стихарь, в свободный от спектакля вечер, просто шел ко всеобщей читать шестопсалмие, как спокойно отправлялся к обедне, оставляя все другие дела. Дома он читал какие-то толстые книжки. Это ничуть не мешало его актерской работе. С его женой, И. А., мы много и долго говорили по вечерам, когда бывали одни. Иногда к нам присоединялся и Р. Б.

Почти каждое лето они ездили по монастырям. Бывали в Оптиной Пустыне, знали и очень уважали Оптиных старцев.

В то время в Петербург приехал отец Анатолий, почти единственный, еще живший на земле «прежний» старец. Его вызвали в Петербург некоторые, стоящие близко к Государю, люди. Они видели пагубное влияние на царскую семью Распутина, и сделали попытку заменить его «настоящим старцем». Но отец Анатолий был уже в очень преклонном возрасте, придворная жизнь была не для него; очевидно на это не было соизволения Божия. Он вскоре уехал к себе назад, в Оптину. И. А. взяла меня с собой к нему. Он остановился в квартире одного своего духовного сына — известного купца М. — В полутемной комнате в кресле сидел дряхлый старик с трясущейся головой. Но пронизательные серые глаза были молоды и остры, как у юноши. Он долго ласково говорил со своей духовной дочерью. Улыбнулся и мне, погладил по голове, обещал молиться.

Больше 15 лет я не была в церкви. Духовных лиц «зблизил» не видала. Отец Анатолий произвел на меня смутное, сложное впечатление. Но до моего обращения было еще очень далеко. Мне мешал научный балласт, философские книги; Ницше, Толстой, Джемс, Шопенгауэр — все прошлое.

С любопытством прислушивалась я к рассказам моих новых друзей, старалась вообразить себе эту непохожую ни на

какие мои представления жизнь. Монашество пурало меня. Его обеты были мне непонятны.

— Ведь, это выше сил человеческих, — говорила я.

— А благодать, а помощь Божия? — возражала И. А. — Что такое монахи? Это лик ангельский в будущей жизни.

— А разве есть ангелы на самом деле? — робко спрашивала я.

— Ах, вы язычница! — вздыхает Роман Борисович.

А Инна Алекс. уже рассказывает мне, как апостол Павел был восхищен до 3-го небеси, как Дионисий Ареопагит с его слов записал все чины ангельские. Но душа у меня была еще за семью замками. Некоторые жития святых мне нравились, но я читала их, как чудесные сказки, и только изредка при этом чтении поднималась в душе необъяснимая теплота и тишина.

В это время я «открыла переписку с друзьями» Гоголя и некоторые вещи Владимира Соловьева. На этих книгах мы сошлись.

— Понемногу. Нельзя сразу! — говорил ей Р. Б., когда она накидывалась на меня, плохо поддающуюся «обращению». Дети давно уже спали, Р. Б. возился у себя. А мы все еще стояли в передней, говорили или не могли расстаться. Постепенно узнавала я о «Премудрости Божией, тайной сокровенной, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал» (I Кор. 2, 7-8). Так одна лицедейка наставляла другую о пути Господнем.

«Ибо сила моя в немощи совершается» —

И. А. суждено было стать исповедницей. В 1932 году она была арестована, как почти все богомолыцы, бывавшие прежде в Оптиной. Сначала она была в концлагере, а потом на вольном поселении в Сибири, где и захватил ее грозный 1937 год. Почти все поселенцы были вновь арестованы и сосланы. Мужа потеряла она еще раньше, в 1930 году. Дети, совсем еще юные, оказались брошенными на произвол судьбы и пережили много тяжелого. Не знаю, жила ли она еще или уже окончила свой крестный путь — этот пылкий, глубоко верующий человек.

В то же время на меня сильно повлияла встреча с моим будущим мужем. Он не был церковно-верующим человеком, но читал и глубоко задумывался над Библией и святоотеческой литературой. Под его влиянием я тоже стала заглядывать в эти книги.

Промелькнула война. Разразилась революция. Над городом пронеслась первая волна арестов. Мы испытывали первые обыски, стали привыкать страдать. В это время заболел испанкой мой брат. Он был при смерти, а мне надо было вечером играть. Я позвонила Р. Б., который в это время был в управлении театром, прося его уладить это и вызвать дублершу.

— Позовите же священника, — властно крикнул он в телефонную трубку.

— Зачем? — мелькнуло у меня в голове, но машинально я попросила товарища брата привести батюшку. Так впервые у нас в доме появился священник — настоятель одного большого собора. В течение нескольких лет он был потом моим духовником.

Брат был уже без сознания. Батюшка прочитал отходную. В эти тяжелые минуты мне было очень страшно за мою мать.

— Пожалуйста, пройдите к маме, — попросила я батюшку. Мне и в голову не приходило, что надо подойти под благословение. Да я и вообще не знала, как это делается. — Он прошел в комнату родителей, очень хорошо поговорил с убитыми горем стариками, исповедал и причастил их.

После похорон брата мы иногда встречались с батюшкой на улице и испытующе смотрели друг на друга.

Новая волна арестов бушевала в городе. Как-то ночью я не могла уснуть. Чувствуя, что надо сделать что-то особенное, я отыскала давным-давно где-то спрятанное Евангелие и принялась читать.

Часы бежали один за другим, а я все читала... Слова жгли мое сердце, проникали в душу. То, что было для меня прежде скрыто и ненужно, вдруг ожило и остро до боли проникло все мое существо. Так прошла вся ночь. Утром надо было идти в театр на репетицию. Я вышла во двор по черной лестнице, парадные были уже закрыты. Меня остановил дворник и таинственно сообщил, что все бывшие сослуживцы моего отца в эту ночь были арестованы.

— А как же папа уцелел?

— Они приходили и сюда, да были немного навеселе, ну и перевернули две страницы домово́й книги, как раз там, где вы все записаны. Я быстро вышла на улицу, но, вместо того, чтобы идти в театр, повернула на площадь и вошла в Собор.

Я так давно не была в церкви, что почти не представляла себе, что и как там делается.

Обедня еще не начиналась. У царских врат стоял незнакомый священник у аналоя и исповедывал готовящихся к причастию.

Я перешла всю церковь и дошла к священнику. Он невольно с удивлением посмотрел на незнакомую, явно не умеющую себя вести в церкви, нарядную даму.

— Я хочу причаститься, — заявила я.

— А вы готовились к принятию Святых Даров?

— Нет. Я не умею и не знаю — как. Если вы не хотите, или этого нельзя, то я уйду сейчас... Как хотите?..

Он задумался. Потом вдруг решительно накрыл меня епитрахилью и прочитал разрешение.

Впоследствии я узнала, что это был один из самых строгих исповедников, ревностный молитвенник, основатель одного из братств. Он очень строго требовал исполнения подгото-

вительного к Св. Причастию правила и не позволял ни малейшего отступления от него или нарушения поста накануне.

— Отец В., как вы могли допустить меня тогда к Причастию? — спросила я его потом.

— Сам не знаю. Очевидно, Господня воля. Почувствовал, что иначе нельзя.

Стояла я обедню, как на крыльях. Ничего не помню. Но, когда причастилась, точно завеса упала с глаз моих. То, чего не могли добиться ни мои друзья, ни муж, ни чтение духовных книг, — в один миг совершила благодать Божья. Вышла я из церкви другим человеком. Теперь я была верующей. «Бог, повелевший во тьме возсиять свету, озарил наши сердца, чтобы просветить нас познанием Славы Божией». (2 Кор. 4, 6).

II

Внешне я была очень занята. Работала бесконечно много. Кроме меня, никто из моих родных не мог ничего зарабатывать. Мне приходилось кормить всю семью. Надо было и домашнюю работу делать и ухаживать за стариками-родителями и отдавать часть времени мужу, привыкшему делиться со мной своей литературной работой.

В то же время меня тянуло теперь постоянно в церковь. В несколько дней я выучилась церковно-славянскому языку. Надо было разобраться и освоить богослужение. Я массу читала. Проглотила все сочинения Феофана Затворника, «Невидимую Брань», Авву Дорофея, Лествицу, многое из сочинений Иоанна Златоуста и Василия Великого, сочинения о молитве Иисусовой. Добралась, наконец, до Добротолюбия, увлеклась Макарием Египетским, очень полюбила Исаака Сириянина. Библию стала читать сознательно позднее. Я почти не спала по ночам: некогда было.

Мне попала в руки «Исповедь Блаженного Августина». С жадностью прочла я о том, как он был языческим философом, как долго с высоты своей человеческой учености боролся против внешне таких простых христианских истин, как в пылу своей холодной учености, заносчивости явился к св. Амвросию Медиоланскому, чтобы поспорить с ним. А тот, не вступая с ним в пререкания, мирно поговорил о безразличных предметах и только, отпуская юношу, сказал ему, что молится за него; как св. Амвросий и мать бл. Августина — св. Моника, — просил не насиловать воли сына. Особенно поразил меня рассказ об обращении бл. Августина. В саду виллы своих друзей, в окрестностях Рима, он читал псалмы. И тут Господу было угодно снять с его духовных очей пелену. Он прозрел и познал истинного Бога.

Я ходила тихая, внутренне глубоко горящая.

«Страшно впасть в руки Бога Живого» — порой я испытывала ужас от почти молниеносного исполнения сказанного в молитве или прощения, которое я едва успевала пролепетать.

Ясно, до боли, ощущала я невидимую близость и присут-

ствие кругом меня святых и умерших близких. Между прошлым и моею жизнью в настоящем легла неизгладимая черта. То, что я пережила и переживала, было характерно для очень многих в тот период. Властный призыв Божий слышали очень многие. Горе, страдания, а, главное, произволение Божие, привели на путь Господень тысячи заблудших душ.

Наша церковная жизнь, быстро ушедшая в катакомбы, очень напоминала первые века христианства. Охваченные восторгом новобращенные люди бесстрашно становились на работу в Божием вертограде, не взирая ни на какие опасности, не боясь никаких мучений и преследований.

Люди науки, искусства, все прежние ренегаты смиренно падали на колени и земно кланялись вновь обретенному в их сердце Богу. Молодежь вострепелась и широкой волной хлынула в Дома Божии.

Из уст в уста передавались рассказы о чудесных примерах Промысла Божия. Приведу несколько таких рассказов:

1. Поезда в то время были бесплатные. Народу набивалось в вагоны уйма. Среди других ехал один коммунист, — рьяный безбожник. В вагоне полная тьма; среди людей и мешков протискивается с трудом железнодорожник. В руках у него огарок. Он ищет «контрабанды» — продуктов, чем поживиться. По дороге переворачивается какой-то жбан: жидкость разливается по полу и по вещам. Он тычет в нее свечей, чтобы узнать, что это такое. Оказывается — бензин. Все вспыхивает. Огонь и дым охватывают битком набитый людьми вагон. Поезд мчится быстро. Люди вопят, задыхаются, в ужасе давят друг друга. Зима, окна закрыты наглухо. Среди этого кошмара, партиец, чувствуя приближение смерти, в отчаянии закричал: — «Николай Угодник, если ты существуешь, спаси меня!» — и потерял сознание.

Очнулся он невредимым на железно-дорожной насыпи... Поезд умчался дальше, увлекая с собой объятый пламенем вагон с горящими в нем людьми. Вскоре человек этот уже был священником, умер в Соловках.

2. В детском приюте праздник. В помещении прежней церкви — танцулька. Входит красноармеец, смотрит на девочек. «Нет, не хочу я с вами танцевать. Вот будет моя дама». — Он срывает со стены забытую икону Божьей Матери и начинает танец. Но не успел он сделать и один тур, как падает замертво на пол. — Бог поругаем не бывает.

3. Среди детей в приюте выделяется одна девочка — убежденная безбожница. Ей поручается организовать праздник солнц-поворота, в день Рождества Христова. Накануне вечером, в Сочельник, она исчезает. Ее долго ищут. Наконец, находят в какой-то дальней коморке. Перед ней лежит Евангелие, открытое на главе, рассказывающей о Рождестве Спасителя. Она — мертвая.

4. Один новоиспеченный коммунист пригласил к себе товарищей на пирушку. Перед их приходом, он вдруг замечает,

что его мать не сняла со стены иконы. Он хватает икону Спасителя и прячет ее под подушку на кровати. И вот в сумерки, перед тем как зажечь электричество, все видят чудный яркий свет, пробивающийся из под подушки. Они откидывают ее в сторону. Лик Господа окружен огненным ослепительным сиянием.

Сколько непередаваемых чудес переживали верующие. Милость Господня изливалась на них широким, благодатным потоком. Это была неожиданная весна, всепобеждающая, торжествующая хвала Господу, праздник Благодати, Пасха Господня...

Взрыв веры, доходивший до экстаза подъем религиозного чувства прокатился тогда всепобеждающей волной по всей России.

III

В первые недели своего обращения я попала в женский монастырь на Карповке, основанный отцом Иоанном Кронштадтским. Здесь же в монастыре, в подвальной церкви находилась его гробница.

Мы долго молились, стоя на коленях подле мраморной плиты. Потом поднялись в келии монахинь. Чувствовалось, что уже недолго можно будет им оставаться в обители. Часть монахинь ушла обратно в деревенский монастырь, но и он вскоре был разогнан. Другие селились небольшими общинами по частным квартирам. Здесь я встретила матушку С. Она была убежденной делательницей Иисусовой молитвы и усердно направляла меня на этот путь. Здесь довелось мне вести первые беседы о подвиге монашества. Вспыхнуло первое открытое гонение на церковь, и в связи с ним возникло движение «Живой» церкви, или «красной», как ее прозвали в народе.

Любимый воспитанник Митрополита Вениамина, которого Владыка очень приблизил к себе, священник Александр Введенский оказался предателем. На его совести кровь этого святого.

Изъятие церковных ценностей, послание Патриарха Тихона, позиция занятая в этом вопросе митрополитом Вениамином, волновали всех верующих. Все эти события сгустили еще более надвигающиеся на церковь грозные тучи.

В это время еще открыто существовали богословские курсы. Туда явился Введенский. Редко отталкивающее лицо. Глаза, избегающие взгляда собеседника. Он пытался убедить нас в своей правоте, очернить митрополита. Но на страже нашей совести стояли лучшие служители алтаря, да и сами мы, внутренним чутьем правильно отнеслись к этому Иуде-предателю в рясе. Будучи белым (женатым) священником, он провозгласил себя епископом: не монах, не произнесший монашеских обетов, он осмелился надеть на себя панагию. Мало этого: — всем была известна его грязная личная жизнь, недостойная просто порядочного, честного человека, на глазах у всех он соблазнил 16-летнюю девочку, подругу по школе моей племян-

ницы. А сколько было других, которых я лично не знала, а только слышала о них. Нет! лучше не вспоминать об этом предателе.

Другой известный священник и талантливый проповедник, Платонов, — тоже соблазнился спокойным житием под охраной ГПУ. Он увлек за собой много народа. Силою гипнотизма ему удалось совершить два-три ложных чуда. Некоторые поэтому считали его антихристом, Его сестра осталась верною православию. Она стала монахиней.

В летний вечер мы однажды были на акафисте Св. Александру Невскому в Лавре. Выйдя из Собора, мы направились по средней аллее к митрополичьим покоям, смутно надеясь увидеть Владыку. Обернувшись к Собору, мы действительно увидели митрополита, шедшего по дорожке. Он поравнялся с нами, улыбнулся, спросил наши имена и благословил нас. Мы поднялись в помещение, занимаемое архимандритом Гурием, так много потрудившегося для Александро-Невского братства. В его келии было прохладно. Зеленые ветви склонялись прямо в окно. Мирно теплилась лампада. Везде были навалены книги. Он, как всегда, с интересом расспрашивал нас о жизни, кто как живет, как молится. Уходить не хотелось, точно мы почувствовали, что это было его последнее прости. В эту ночь митрополита, его и еще нескольких близких к ним монахов арестовали. Начался прогремевший на всю Россию процесс. Многие верующие не пропускали ни одного заседания. День расстрела митрополита был днем всеобщего горя.

Между тем, живоцерковники, усиливались; они захватывали одну церковь за другой. Лучшие православные служители церкви были арестованы.

Во главе борьбы за истинную веру стал отец Мануил, тогда иеромонах, потом епископ. Рядом с ним поддерживали хоругвь Православия отец Варлаам, руководитель Александро-Невского братства и талантливый преподаватель богословских курсов отец Федор, белый священник. В своих проповедях отец Варлаам напоминал нам Иоанна Крестителя: врожденный аскет и отрешенный от мира инок. Отец же Федор всепоглащающей любовью походил скорее на евангельский образ Спасителя. Часто бывала я в маленькой церквушке братства. В Соборе и в приходских церквях жизнь тоже была очень интенсивной. Члены «двадцатки»*) — все были люди обреченные, находясь под постоянной угрозой ареста, они делали необходимо нужную для церкви работу: приходилось и в Смольном спорить и просить, и по разным учреждениям бегать, и в Москву ездить, хлопотать; подчас надо было уметь спрятать — не золото и драгоценности, их у нас не было, и они нам были не нужны, — а духовные драгоценности. В церковной жизни бывали такие моменты, когда все служители алтаря были арестованы, и во главе не было ни одного епископа. Не-

---

Двадцатки: Комитеты в СССР — как юфиц. в СССР, церковные комитеты, избранные приходом и утвержденные властью. В их обязанности официально ответственность за церковь, хозяйственные расходы и т. д.

кому было рукополагать новых священников. Приходилось уходить в глубокое подполье, сноситься с еще оставшимися на свободе, уцелевшими епископами, отправлять к ним желающих принять на себя служение Господу, хранить антиминсы. . . Кроме того, на долю случайно уцелевшей горстки православного духовенства и мирян, принимавших по воле Божией участие в церковной жизни, выпала сложная задача отпора миссионерам, представителям других вероисповеданий. Англиканская церковь, а за нею и румско-католическая, пользуясь ослаблением православной церкви, все время делали попытки к «объединению», как они говорили, т.е. попросту, старались склонить уцелевших ластырей к переходу в их вероисповедания. Возникло сильное униатское движение. Некоторые наши русские служители церкви, очень образованные люди, примкнули к нему. Приходилось вести борьбу за чистоту наших догматов, а для этого очень много работать над собственным образованием. Надо было знать не только догматическое учение православия и его историю, но изучать и другие вероисповедания. Господь часто Сам вразумлял и укреплял руль в слабых руках.

ПРИМЕЧАНИЕ: Некоторые отдельные личности в римско-католичестве очень ярки и правдивы по своему. Папы Николай V, Пий II, а главное, Лев X, не могли не завоевать мое сердце. Особенно сильное впечатление на меня произвело знакомство с духовным обликом Св. Терезы (Испанской). Глубоко образованная, редко умная, энергичная женщина, основательница многих женских монастырей в Испании, — неизменно всю жизнь боролась она с инквизицией, рутиной и ханжеством в церкви. Одаренная писательница, она в то же время была пламенной молитвенницей. Ее сочинения о сокровенной молитве (вне довелось прочесть ее книгу «Внутренний Чертог») — дышат настоящим пониманием молитвенного подвига и даже, по моему, не уступают тому, что писали об этой величайшей науке из наук святые отцы. В некотором они даже ближе, понятнее нам потому, что ближе по времени. Но в общем весь дух румско-католичества неприемлим и чужд православной душе, тишине и внутренней собранности наших подвижников.

Приходилось стоять на страже Православия не только от внешних нападков инакомыслящих других христиан. В недрах самой нашей церкви шел сильный внутренний раскол. Сектантские движения были всегда очень сильны в русском народе. Это его характерная самобытная черта. Но тут приходилось иметь дело с расколом внутри самой церкви: с «живой» церковью, а потом с движением иосифлян*, создавших мучительную рознь и ненависть среди лучших служителей Тихоновской церкви.

При передаче Собора живоцерковникам, почти все члены двадцатки были арестованы, пять человек расстреляно, а ос-

---

* Иосифляне — последователи епископа Иосифа, порвавшего с митрополитом Сергием.

тальных сослали. Впрочем, это событие не застало их врасплох. Уходя из дому, члены двадчатки обычно брали с собой паспорт, Евангелие и кусок хлеба — на случай ареста.

Часть монахинь Иоановского монастыря ушла из обители, когда их игумения временно склонилась на сторону «живой» церкви. Эта ошибка была кратковременной. Она скоро вернулась в лоно православной церкви. Но многие строго осудили ее за это.

Человек глубокой внутренней жизни, она не умела разбираться в тогдашних церковных делах. Но Батюшка, отец Иоанн Кронштадтский не мог ошибиться, да и не ошибся, поставив именно ее во главе своей обители.

Тихая, задумчивая, молчаливая, смиренная, большая молитвенница — она никогда не пыталась добиться послушания властным окриком или строгим поступком. Лучшие монахини понимали и ценили ее. Одна из них рассказывала: «Вот, поспорят и поссорятся сестры; ктонибудь из них вспылит или вообще сделает какой либо нехороший поступок. Матушка зовет к себе провинившуюся. Та идет еще полная гнева, готовая к отпору. А матушка станет мирно расспрашивать ее, как она живет, о чем думает. В самую глубину души заглянет. И сестра уходит от нее успокоенная, утешенная, с полным сознанием своей вины и недостойности, хотя матушка ее ни в чем не упрекнула. — Незадолго до своей кончины она посетила маленькую общину сестер Иоанновского монастыря, поселившуюся недалеко от церкви и часовни с иконой Божией Матери «Всех скорбящих радости» на Стеклянном Заводе. Сестры почувствовали ее присутствие, как большой светлый праздник. Если не ошибаюсь, это было в 1927-1928 годах. Она тоже уже жила на частной квартире. Через несколько дней она прислала юродивого нищего Мишу сказать, что ей плохо. А еще через два дня ее не стало.

Спустя некоторое время, Лаврский Старец схимник Серафим видел сон: к нему пришли три игумении: основательница Дивеева, мать Александра, Шамординская настоятельница и недавно скончавшаяся игумения Иоанновского монастыря, — мать Ангелина. Они беседовали с ним и сказали, что им хорошо, что они вместе утешаются в Горних обителях, благословили, передали благословение его духовным детям и исчезли.

Вскоре после кончины игумении, Иоанновский монастырь был окончательно закрыт. Сначала предполагали выкопать гроб отца Иоанна и перенести его на Смоленское кладбище. Толпы народа собрались в назначенный день у монастыря на Карповке и на кладбище, но походы не состоялись. Так повторялось несколько раз. В народе распространился слух, что гроб не удастся достать из земли. Сколько раз ни копали, он уходил все глубже в землю. Власти объявили, что, мол, почва болотистая. Ясно одно: останки батюшки о. Иоанна не покинули выбранного им самим места упокоения. Подвальную цер-

ковь с его гробницей замуровали, а монастырь заняла воинская часть.

IV.

В начале августа, насколько помню, 1921 года, скончался наш русский поэт А. А. Блок.

Глубоко верующий с детства, в хрустальных строках он делился своими переживаниями с читателями. Потом он воспринял чисто идейную сторону революции и пал жертвой своего увлечения. Он не выдержал столкновения с реальным проявлением той революции, которую воспел. Жизнь сломила его. Близкие хотели повезти лечить его за границу. У него развилась очень тяжелая сердечная болезнь. Но власти отказали ему в паспорте. А когда разрешиние, наконец, было получено, он был уже мертв.

В течение многих лет он состоял членом религиозно-философского общества, но не сочувствовал тому направлению, которое оно приняло под влиянием Мережковского, Бердяева, Минского и др. Приведу одно стихотворение, которое гораздо лучше чем я, может осветить внутренний облик поэта:

Вот Он, Христос, в цепях и розах,
За окошком моей тюрьмы.
Вот агнец кроткий в белых ризах
Пришел и смотрит в окно тюрьмы.

В простой оправе синего неба
Его икона смотрит в окно.
Убогий художник создал небо
Но лик и синее небо — одно.

Усталый, бледный, немного грустный . .
За Ним восходит хлебный знак,
На пригорке лежит огород капустный,
И березки и елки бегут в овраг.

И все так близко , . . И так далеко,
Что стоя рядом, достать нельзя,
И не постигнешь синего ока,
Пока не станешь сам, как стезя.

Пока таким же нищим не будешь,
Не ляжешь истоптан в глухой овраг,
Обо всем не забудешь, и всего не разлюбишь,
И не поблекнешь, как хлебный знак.

V

В 1922 году скончался мой отец, с которым мы были очень дружны. На двадцатый день, вернувшись с кладбища, я тоскливо сидела в кабинете мужа. Вдруг стук в дверь и на пороге останавливается незнакомая мне монахиня. Увидя мое настроение, она быстро подошла ко мне и села рядом.

— В чем дело?

Это была дочь известного литератора и журналиста, ре-

дактора одного известнейшего в России «толстого» журнала — А. Как многие русские интеллигентные люди, он был неверующим. Его дочь, еще совсем молодой девушкой отказалась от мира и решила посвятить себя Богу. Отправилась она за благословением основать монастырь в имении родителей к отцу Иоанну Кронштадтскому. Он благословил ее и пожертвовал на построение новой обители три рубля. Эта жертва повлекла за собой многочисленные крупные пожертвования и вещами и деньгами. Окрестные крестьяне тоже очень сочувственно отнеслись к нуждам сестер. Как-то в самую страдную летнюю пору на станцию прибыл строительный материал и кирпич. Требовалось немедленно разгрузить вагоны. Необходимо было достать много подвод, а где их взять, когда каждая лошадь на счету, в поле.

Молодая матушка-игумения все же отправила сестер сказать крестьянам об их нужде. Но надежды, что ктонибудь откликнется и придет им на помощь, у нее не было.

На рассвете следующего дня целая вереница подвод потянулась за 20-30 километров на станцию. Вагоны были разгружены во время, и все было доставлено в строящуюся обитель. Большая церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы, корпус для общежития сестер, больница, школа, приют выросли как из под земли. Отец матушки-игумении скончался. Это была первая могила около церкви. В большом доме усадьбы, где жила ее мать-старушка, помещалась монастырская библиотека и комнаты для приезжих священников. Флигель гостиницы сгорел, и гости ютились либо в школе, либо в отдельной келии, около трапезной.

Все сестры были заняты в приюте, в школе, в больнице, в огороде, или на полевых работах. Были среди них и плотники, и столяры, и сапожники, и портнихи. Как трудолюбивые пчелки копошились они вокруг матушки, устраивая свою жизнь.

Однажды на Пасху, одна из ближайших к матушке монахинь по болезни не смогла пойти к светлой заутрени. Грустно ей было. С трудом подошла она к окну, чтобы посмотреть на крестный ход. Народ шел вокруг церкви. И сотни огней мерцали в темноте ночи. Подняла больная монахиня глаза к небу и замерла: там, в вышине, двигался такой-же крестный ход, сияли огни, и светлые лики склонялись к земле, благословляя молодую обитель.

Матушке Е. еще не было 40 лет, когда мы познакомились. Энергичная, умная, не раз отстаивала она монастырь от грозившей ему напасти разгрома. Присланная сюда для наблюдения ответственная коммунистка вскоре обратилась к Богу, была пострижена и умерла в мантии.

Многие присылаемые в обитель для ее разгрома партийцы становились на ее защиту и всячески старались сохранить трудолюбивую общину — трудовую артель, как они говорили. Однажды целая комиссия приехала сюда на обследование. Но-

чью, когда все члены ее спали после сытного ужина (из деревни специально для них доставили кур и мяса), — во время полунощницы читался акафист С. Тихона Задонского при нахождении скорби (Господи, мой, Господи, радости моя, даруй ми, да возрадуются о радости твоей). А потом потихоньку, чтобы не разбудить незваных гостей, крестным ходом обносили иконы и хоругви вокруг всей обители. Мерно колыхались в темноте большие, во весь рост иконные изображения преподобных Сергия и Серафима под тихое пение: «Се жених грядет в полунощи». — И спасли тогда от разорения монастырь горячие молитвы сестер.

Не раз ездила матушка в Москву, не раз беседовала с великими мира сего, и при том никогда не снимала она своего монашеского облачения, никогда не опускала при входе в любое официальное учреждение крестного знамения.

Окончательный разгром ее монастыря относится к 1932 году. В обители часто гостила старица матушки со своей сестрой. Обе они были игуменьи. Происходили они из старого дворянского рода, и от рождения были записаны фрейлинами. Совсем иными часто посещали они Оптину Пустынь, и находились под руководством отца Анатолия, а после его смерти прибегали к советам его бывшего келейника. Против воли родителей обе они в ранней молодости постриглись в монахини. Старшая руководила большим общежительным монастырем, другая — пустынью, где спасались стремящиеся к очень строгой затворнической жизни монахини. В период гонений они соединились в одном монастыре, расположенном на острове близ города Н. Это были необыкновенно чуткие, широко смотрящие на духовную жизнь женщины.

Случилось так, что после внезапной смерти моего мужа, обе они были в Петербурге и очень поддерживали меня в эти исключительно тяжелые дни для меня. Их монастырь был разогнан в 1930 году. Вскоре старшая игуменья скончалась. Ее сестра, тоже принявшая схиму, была арестована в 1932 году.

VI

Община монахинь Иоанновского монастыря во главе с матушкой С. ютилась в маленькой квартирке полуразрушенной деревянной лачуги на Стеклянном, подле церкви и часовни, где находилась чудотворная икона Божией Матери всех скорбящих Радости.

Когда-то тут стояла небольшая деревянная часовенка. Теперь она находится в правом крыле церкви. Случилась гроза. Молния ударила в часовню и несколько монет из кружки для пожертвований прилипло к иконе. Ни часовня, ни икона не были повреждены. С тех пор эта икона стала называться «Скорбящей с грошиками».

На другом конце города жила одна бедная вдова с маленьким сыном Николаем. Мальчик был очень тяжело болен и не

мог вставать с кровати. Это была какая-то странная болезнь. Временами у мальчика поднимались страшные боли, судороги сводили все тело маленького страдальца.

Как то раз ему приснился сон. К нему пришла Божья Матерь с одним «добрым старичком», как показалось мальчику. Судя по его описанию, это был Николай Чудотворец. Владычица повелела ему попросить мать свести его на Стекланный завод, отслужить молебен в часовне перед Ее образом. Он рассказал матери о своем сне, но ехать надо было далеко, ребенок же был слабый. Бедная женщина не решилась на это.

Сон повторился. Она опять не обратила на него внимания. Наконец, Божья Матерь явилась в третий раз к мальчику, и Св. Николай Угодник теперь уже грозно повелел исполнить Ее волю.

Мать Коли уже больше не смела противоречить воле Божьей. На последние гроши наняла она извозчика, и они отправились. Дорогой Коля очень страдал, Несколько раз приходилось останавливаться и класть больного на траву, пока боль немного утихнет. Мать уже ненадеялась довести его живым. Наконец, добрались они до часовни, и священник начал молебен. Во время службы ребенок приподнялся, сел, а в конце молебна уже стоял на ногах. Домой мать везла здорового сына.

Выросши, исцеленный Николай Грачев стал монахом в Троицко-Сергиевской пустыне под Петербургом. В дни революции он умер там от голода. Похоронен он там в пустыни, на кладбище.

Об этом чуде заговорил весь город. Толпы богомольцев хлынули на Стекланный — поклониться новоявленной чудотворной иконе. На глазах у всех творились многие чудеса. Вскоре на месте бедной часовенки выросла каменная церковь и часовня, где находилась чудотворная икона. В подвальном помещении часовни была устроена церковь с престолом в честь прееподобного Серафима. Вот в этой часовне и стояла за выручкой мать С. со своими сестрами, которые прибирали часовню. Сколько благодатных часов провела я здесь под Покровом Божьей Матери Всех скорбящих Радости, — ставшей моей руководящей иконой!

Неожиданная смерть моего мужа оборвала последние нити, связывающие меня с прежней жизнью. Родители скончались раньше. Дети покойного брата подросли, стали на свои ноги и не нуждались больше в моей материнской помощи.

После кончины мужа я не могла больше принудить себя выйти на сцену. В последний раз я играла накануне его заболевания. Мне тогда и в голову не приходило, что я никогда в жизни не выйду больше на подмостки.

Феофан Затворник пишет, что в духовной жизни должно само собою делаться, как на салазках с горы катиться. Так и было со мной. Без участия моей воли все выходило само со-

бою. Иначе нельзя было. Жизнь сама толкала меня на путь, которым мне следовало идти. Надо было только склонить голову и следовать благой воле Божией. Три ночи провела я в часовне у Иконы Божьей Матери.

Незабываемые часы!

Я испытала в моей жизни то, что люди зовут большим счастьем: я была тогда на вершине человеческой жизни. Пережитое здесь несравнимо ни с какими земными радостями. Нельзя передать словами благодатного мира, тишины, единения с Богом, наполнившими все мое существо. Да и не надо говорить о пережитом в объятиях Отчих. Это почти святотатство.

Конечно, потом много было искушений, очень тяжелых испытаний, внутренней брани и тоски, много страданий. . . Лучше молчать и об этом. Любила я ранние обеды в маленькой подвальной церкви Преподобного Серафима. Здесь отдыхала я от всех своих скорбей.

Настоятель Собора снял с себя духовный сан. Я не могу и не хочу говорить об этой печальной для церкви трагедии.

В Церкви Царицы Небесной служил белый женатый священник, отец П. По своим молитвенным подвигам и жизни он имел право занять место среди самых достойных монахов. Он обладал редким даром искренних, настоящих слез во время молитвы. Молился он так легко и вдохновенно, что увлекал за собою всех богомольцев. Далекий от внешней церковной жизни, он, как Иоанновская игуменья, не сразу разобрался в движении обновленцев. Но очень скоро понял свою ошибку, чистосердечно принес покаяние и воссоединился с православной церковью. После того решительно боролся он с «красной» церковью. Впечатлительный, искренний, как ребенок, застенчивый, он совершенно был непригоден в практических житейских вопросах. От всяких догматических прений он уклонялся. Проповеди говорил неумело, но пламенно. Увлекал своим молитвенным даром и чистотой душевной. Был одним из любимых духовных чад отца Михаила Прудникова. Любил его и высоко ценил и епископ Стефан.

При появлении движения Иосифлян отец П. чуть было не примкнул к нему. Но отношения с духовенством Храма Воскресения (первая церковь, которою овладели иосифляне) все как-то не клеились. Смирный и простой о. П. смущался их чрезвычайной гордостью и самомнением. Одно время он перестал было служить в Лавре и не ходил ни в какую церковь. Потом, под влиянием своего духовного руководителя, отца М. Прудникова и Владыки Стефана, этих неподкупных, до конца честных и чистых служителей алтаря Божия, которых он глубоко чтит и которым очень верил, он вернулся в Лавру, отслужил молебен с акафистом своей руководящей иконе Божьей Матери Скорбящей, и опять стал отправлять все службы вместе с братией. После отнятия обновленцами Скорбященской церкви, опасаясь за безопасность семьи, он решил не жить

дома и поселился в Лавре, в келлии схимника Г., где жил совершенно одной жизнью с монахами. Очень любил он ходить на богомолье к Знамению Божьей Матери, в Макарьевскую Пустынь, в Сергиевскую пустынь и еще куда нибудь. Часто служил у иконы Божьей Матери Скоропослушницы в Ее церкви.

Сколько чудес, внезапных исцелений от телесных недугов и от слепоты духовной насмотрелась я подле иконы Божьей Матери Всех Скорбящих Радости. Но недолго длилась эта внешне мирная, полная внутренней брани, жизнь. Гонения на православную Церковь усилились; наша святыня была отдана живоцерковникам. Узнали мы это накануне, и всю ночь провели в молитве подле иконы Царицы Небесной. Утром, во время водосвятного молебна в часовню вошел взвод красноармейцев. Они потребовали очистить часовню от народа. Богомольцы почти все плакали, прощаясь с иконой. Появились подозрительные штатские личности, члены «красной» двадцатки. Началась процедура передачи церковного инвентаря обновленцам. В последний раз преклонили мы колена перед иконой Богоматери и ушли, почти не сознавая, что произошло.

VII

Мы очень тосковали, потеряв возможность молиться в нашем любимом храме. Большинство богомольцев стало ходить в Лавру.

Ранние обедни обычно совершались в маленькой верхней церкви во имя Св. Кн. Александра Невского. На стене была огромная фреска, изображавшая Святого Князя в схиме, лежащим в гробу.

Служили также и в нижней Благовещенской Церкви. Поздние обедни совершались в Духовной Церкви или в главном большом Соборе. Никольская церковь была вскоре отобрана. Иногда служили в маленькой церкви на Никольском кладбище. Часть богомольцев ходила в церковь, где пел хор братства, а также в церковь, где находилась чудотворная икона Божьей Матери Скоропослушницы. За ранними обеднями хором прихожан управлял архимандрит Сергей. Сначала он сердито косился на новых пришельцев и рассматривал их поверх очков.

— Что за нашествие иноплемennых .. — бормотал он себе в бороду. Потом привык и часто беседовал с нами.

— Псалмы читаешь? — спрашивал он бывало: — На свете нет ничего лучше написанного. Ты только вслушайся и вдумайся. Память у него была удивительная. После обедни шли здороваться к отцу Гурию (принявшему потом схиму) за свечной ящик. С длинной, ниже пояса бородой, он напоминал пустынников первых веков христианства. Очень он любил Жития Святых и так умел их рассказывать, что как живой вставал перед тобою тот или иной преподобный, и мученик. Бывало, только исповедаешься, уйдет батюшка в алтарь, а тут как раз и

вспомнишь чтонибудь, что сказать забыла. Отправляешься к отцу Гурию.

— Батюшка, дайте бумажку! — быстро пишешь несколько слов: «Отец Гурий, будьте добры, отнесите отцу П.»

— Что, грех забыла? Ну, давай, его сюда. Понесу твой грех к престолу Божию. — И плетется в алтарь своею старческой походкой.

Потом отправляемся провожать отца Сергия. Медленно идем по Лаврским галереям или аллеями сада. Он рассказывает что-нибудь из своей жизни. Больше 40 лет живет он в монастыре. Поднимаемся в его келию, пьем чай и слушаем, как он читает какой-нибудь новый обретенный им акафист, или еще рассказывает дальше. И всегда выходило так, что то, что он говорил, оказывалось самым нужным ответом на запросы духовной жизни, словно он узнал сокровенные мысли слушателя и откликается на них. — Его келейница, монахиня А. бранит его за какой-нибудь излишний подвиг, слишком утомительный для его преклонного возраста. Они ласково пререкаются, и все же он ставит на своем.

Боевал он иногда с нами за излишние посты.

— Тут не умертвлением плоти надо заниматься, точно вы самоубийство задумали, а делать так, чтобы хватало сил на молитву, — сердился он, а сам почти весь Великий Пост питался своей излюбленной «тюрей»: водой с намоченными в ней черными сухарями, приправленными луком и солью. К молитвенному подвигу он был очень строг.

— Иной бьет поклоны без конца, а выйдет из келлии, — и давай сплетни разводить: тот, мол, жадный или злой, и этот тоже такой, сякой. Ну, значит, не молился он, а только лбом стучал. Или все вы слышали о молитве с плачем перед Господом. Часто просили мы Бога об этих слезах. Ну, и давай хныкать и причитать над книгой. Да разве это те слезы, о которых святые отцы пишут? Тот плач из глубины сердца вырывается, когда душа свои слова Богу лепечет. Сокровенные они и радостные, эти слезы. А так хныкать, — только голова разболится, да уныние нападет. Еще видения какие начнутся, и в прелесть впадешь. Упаси Господи, от всего этого. Бойтесь видений! Часто враг их посылает, чтобы в гордость впал человек. А мы давайте попросту, да втихомолку, без всхлипываний перед Богом стоять. Иисусовой молитвой тоже попросту молиться надо. Там некоторые сердце слушают, на кончик носа смотрят. Страшно все это и опасно. А враг так и подстерегает.... Не надо. Тихонько, Господа, да Царицу Небесную от всего сердца просите о помощи. А ты, — стучает он меня ладонью по голове: — Читай меньше. Небось уйму книг перечитала, богослов этакий. И акафистов, поди, больше, чем у меня. Лучше приходи к ранней, часы читать, да псалмы учи наизусть. О муже молись на его могиле. Меньше сиди. Лучше больных навещай».

В его келлию и к схимнику отцу Серафиму стучались непривычные гости: ученые, профессора, люди искусства и литературы, интеллигенция, так долго стоявшая вдали, тепеда упорно стремилась в церковь. Пришел раз к ранней обедне старик — профессор, известный ученый специалист. Красивое, умное лицо, седые как лунь волосы и борода. Смиренно опустился он на колени перед иконой Спасителя и так и простоял всю обедню, низко склонив голову. Только изредка смахивал потихоньку, чтобы никто не видел, набежавшие слезы истинные, — сказал бы архимандрит Сергей.

Молодежь тоже осаждала обоих старцев. Целые сектантские общины переходили в православие.

Любила я Лавру ночью, когда запирались ворота и все затихало. При луне блестили белые лаврские переходы. В воображении невольно вставали картины прошлого, когда все эти здания были населены одними монахами, а по аллеям медленно прохаживались темные фигуры в рясах. Может быть, в дни расцвета Лавры, не вся братия оставалась на должной высоте. Денег было много — всего вдоволь. А врагу это и на руку. Погребя переполнены всякой живностью. У настоятеля и казначея выезд подстать любому князю. Загордились некоторые из братии и зажирили.

Но тут же рядом, в сторожке на кладбище старец Патермуфий больше 40 лет прожил в затворе, питаясь лишь хлебом и водой и никогда не разводя огня. Другой монах, отец Моисей, затворился в тесной келлии в стене на хорах Духовской церкви. По его просьбе дверь была замурована. В оконце передавали ему хлеб и воду.

«Монашество это — вольная тюрьма» — говорила мне одна монахиня.

В предрассветных сумерках, когда еще на небе мерцали звезды, перед началом ранней литургии, стараешься успеть забежать на могилу к старцу Патермуфию. Тогда день складывается хорошо.

После ранней я отправлялась на другое кладбище, Никольское, где был похоронен мой муж. Там в одной аллее, в часовне была икона Спасителя. Необычайный лик: порой бледный и скорбный, порой радостный, мирный, с чуть заметным румянцем на ланитах. Особенно в Пасхальную ночь весь Он сиял тихим светом. Потом надо было зайти в часовенку блаженного Матвея. Сколько народа молилось всегда у этих святых, так же, как на Смоленском кладбище, у часовни блаженной Ксении. Ее захватили обновленцы, но верующие служили панихиды где-нибудь неподалеку, на могиле кого-нибудь из знакомых.

Власти скоро опомнились: могилу старца Патермуфия и часовню блаженного Матвея оцепили и недопускали к ним молящихся. Келлию Патермуфия разрушили и его могилу сравняли с землей.

У Лаврского духовника, схимника отца Серафима, был мо-

лодой послушник, он был из интеллигентной семьи, по образованию инженер. Среди молодых монахов, конечно, попадаются разные люди. Не все они стоят на одинаковой высоте. Как и в миру, здесь случаются падения еще более страшные и мучительные, чем вне монастырских стен. Все люди — люди, и монахи имеют ту же грешную плоть, что и миряне. Только в обители искушений больше, больше на виду и ярче переживаются. Не выдержал искушений и этот молодой человек. Смущали его поступки окружающей братии.

— Да ты на себя лучше смотри. Что тебе за дело до других. Пусть себе живут, как хотят, а ты сам то не греши. Какое тебе дело до чужих грехов. Ты за собой лучше смотри! — уговаривал его батюшка.

Но враг был силен. Послушник снял рясофор и ушел назад в мир. Мы переживали это очень тяжело.

Мне Бог привел в это время быть келейницей у о. Серафима. Много светлого и много тяжелого переживала я в эти годы. Надо было уметь поговорить со всеми приходящими и очень внимательно следить, чтобы воля и благословение батюшки были переданы в точности. Иногда он принимал очень многих. Под конец уставал так, что валился с ног. Мне было жаль его, и я пыталась уговорить стучавшихся в поздний час в дверь его кельи придти на другой день, но батюшка строго уговаривал мне за это.

— Нельзя: обидятся. Я сам скажу, что и когда надо. — И еле живой приказывал допустить к себе пришедших.

Иногда же, наоборот, приказывал говорить, что нездоров, принять не может. — «Пусть эти люди уходят скорее».

Случалось, что некоторые приходили по нескольку раз и так и уходили ни с чем, прождав напрасно много часов. А другие не успевали переступить порог, как батюшка уже звал их к себе. Иногда он ничего не спрашивал, а прямо передавал, как надо поступать, что делать, словно наперед знал, о чем с ним будут говорить. — Сколько человеческого горя и страдания проходило перед нами! Были здесь и бесноватые, и больные, жаждавшие исцеления, и другие, со сложными запросами внутренней духовной жизни: интеллигентные и простые, нищие и богатые, старики и юноши. Людской поток неудержимо проносился перед батюшкой, выбрасывая к его ногам свои скорби и радости.

Искушений было много и со стороны некоторых духовных детей схимника, и со стороны самого старца, когда я не могла уяснить себе некоторые его поступки. Я очень мучилась, если не понимала тайного смысла какого либо его благословения. Однажды больная плевритом монахиня в схиме прислала к нему спросить благословения, чтобы доктор ей выкачал воду из плевры. Батюшка не благословил. «Но ведь она умрет» — думала я, не смея ничего сказать. А старец прекратил прием посетителей и стал на молитву. На другой день пришли ска-

зять, что больная монахиня скончалась. Потрясенная такими непонятными мне повелениями старца, я выбегала в коридор и читала молитву у дверей кельи архимандрита Сергия.

— Аминь! — откликнулся он.

— Батюшка, — со слезами становилась я подле него: — Помолитесь обо мне. Не судить я хочу, а просто не думать, если понять не могу. — Он смотрел на меня поверх очков, ото двигал рукопись на столе и тихонько гладил по голове.

— Я молюсь. Знаю: не легко тебе. Наша жизнь идет иногда совсем наоборот жизни мирян. Ничего. Справишься. Господь поможет. Спать ложись во время. Устаешь ты, вот искушения и приходят. Хорошо, что помыслы открываешь. Тогда легче. Враг пользуется случаем, если таишь в себе мысли. Ты не голодная? Поешь чегонибудь. Хочешь яблоко? или вот пирожок кто-то принес. Ешь во славу Божию.

И смех и грех. Жуя по дороге яблоко, я уже спокойная возвращаюсь в келью старца.

Худенький, среднего роста, с небольшой седой бородой, с ясными голубыми глазами, он был очень живописен в полной схиме, точно только что сошел со старинной новгородской иконы.

— Ведь что такое мое послушание? — говорил он: — я как помойная яма, куда люди все свои самые черные дела складывают.

Он рассказывал историю своего пострига. Занимался он торговлей и был под руководством старца отца В., подвизавшегося в пустыни Троице - Сергиевской Лавры под Москвою. В его жизни было несколько поразительных случаев послушания воле старца и, наоборот, нарушения полученного благословения. Наконец, он с женой принял решение идти в монастырь. Сначала была пострижена его жена. Поселилась она в Новодевичьем монастыре. Закончив приведение в порядок своих мирских дел, он собрался ехать в Троице - Сергиевскую Лавру, чтобы спастись там подле могилы своего старца. Этот старец скончался во время службы коленопреклоненным, в алтаре, у престола Господня. Во время разгрома Троице-Сергиевской Лавры, его гроб хотели выкопать, но не смогли, — он, как и гроб о. Иоанна Кронштадского, уходил вглубь земли. Так и здесь целостность праха праведника не была нарушена.

Много рассказывал схимник об отце В. Он являлся ему во сне и укреплял его — в первые тяжелые внутренние брани после пострига.

Готовясь к отъезду, был он на трапезе у Владыки Вениамина в Александро-Невской Лавре. Владыка был задумчив в течение всего обеда.

После трапезы, когда они остались вдвоем, Митрополит строго посмотрел на него и спросил:

— Так вы окончательно решили ехать? Не хотите остаться у нас в Лавре?

«Что-то вдруг» — рассказывал старец, — «поколебалось у меня в душе. Невольно опустил я на колени: «Благословите, Владыка, принять постриг у вас в Лавре». Так и остался я под покровом Святого Князя Александра Невского. А Троице-Сергиевская Лавра почти сейчас же была разгромлена. Мы же все еще здесь спасаемся».

Старенький и болезненный, спал он на узком, коротком, деревянном сундуке, прикрытом потертым ковром.

Перед принятием схимы, видел он во сне преподобного Серафима, имя которого должен был носить. Он постучался в окошечко лесной келлии Преподобного. Тот открыл и они беседовали.

После пострига в схиму, он нес тяжелый подвиг по благословию настоятеля епископа Григория — никогда не ел ничего скоромного — ни молока, ни масла, ни яиц. А также не мылся, только умывал лицо и руки. Он был совсем другой, чем архимандрит Сергей. Тот подчас рассердится, выбранит, а на самом деле с безграничной добротой, часто покрывая проступки своих духовных детей, многое им прощал, слабым и больным разрешал не соблюдать строго посты.

Отец же Серафим-схимник, тихий и ласковый, никогда не отступал от раз сказанного, поста нарушать никому не разрешал, даже тяжело больным. Порой ласково, но твердо толкал своих чад духовных на трудные подвиги. Послушания требовал полного.

— Не я благословляю, а Господь. Страшно послушаться Его воли. Не дай вам Бог!

В свободное время он любил, чтобы ему читали или сам читал Жития Святых. Из Святых Отцов очень любил Исаака Сириянина и Василия Великого. Как то раз я застала его за чтением «Шестоднева».

— Нет, как птицы то небесные Богу молятся. Я и сам такое переживал. — Со слезами тихо улыбался он своим воспоминаниям. Природу он очень любил. Черед нее прославлял Творца. С умилением смотрел он, как прыгают воробьи по веткам деревьев под окном его келлии. В сад, на кладбище, а тем более за ворота обители не выходил никогда.

— Для монаха — весь мир, вся его жизнь — его келлия. Тут он или погибнет, или спасется, — говорил он.

Когда приходили благодарить его за исполненное прошение, он недовольно хмурился.

— Что это вы? Ведь это же не я, а Царица Небесная, Николай Угодник и Преподобный Серафим. Их благодарите.

Временами меня очень тяготило одиночество — тоска по близким умершим, нападало гнетущее уныние. Подойдешь к нему во время всенощной, когда он стоит у аналая и испове-

дует. — «Да что это вы? Какое одиночество? Посмотрите кругом: сколько родных и близких слышат вас, откликаются и помогают» — он указывает на иконы кругом, с такими знакомыми, дорогими ликами. Мирно теплятся лампы. И на душе опять светло и тихо: я не одна.

Однажды я заболела плевритом, ночью поднялись сильные боли: кололо. Я задыхалась, подле меня никого не было. Дверь моей келлии была заперта. Позвать некого. Стало страшно. — «Преподобный Серафим, пошли когонибудь ко мне» — вырвалось у меня из глубины души. Была полночь, Я потушила свет и вдруг слышу, как кто-то открывает запертую дверь. К моей кровати подошел покойный отец. Я ему очень обрадовалась. Он улыбнулся, погладил меня по голове.

— Ты не бойся. Ничего. Все пройдет. Я пойду. Мне пора. — И опять стук запираемой двери. Я вскочила, повернула выключатель и прочитала акафист Преподобному Серафиму. Я была не одна.

Рассказывать обо всех происходивших в келлии у батюшки чудесах и исцелениях нет возможности. Для примера передам один случай. Среди духовных детей батюшки был один инженер с женой. Детей у них не было. Молодая женщина попросила у батюшки благословения взять из приюта приемного сына. Батюшка благословил. Мальчик оказался очень милым с хорошим характером. Когда ему исполнилось три года, он тяжело заболел. Доктора и лекарства не помогали. Ребенок был при смерти. Приемный отец пригласил еще одного известного специалиста по детским болезням. Он осмотрел ребенка и объявил родителям, что мальчик ночью умрет. Обещал заехать утром, чтобы написать свидетельство о смерти. Уходя, доктор указал рукой на иконы:

— Наша наука здесь бессильна. Разве вот эти его спасут, — заявил он с насмешкой. Маленький страдалец метался в бреду. Черты личика обострились, губы посинели, изо рта сочилась пена; ногти тоже были синие. Он хрипло дышал.

Мать не выдержала, накинула платок и побежала в Лавру к батюшке. Отец Серафим посоветовал ей, вернувшись домой, помолиться Божией Матери, Николаю Угоднику и Преподобному Серафиму. Опустилась она на колени подле кровати, спрятала голову в одеяльце и стала молиться. Ночью незаметно для себя задремала. Когда забрезжило утро, она боялась поднять глаза, думая, что ребенок уже скончался. Вошел муж. Они откинули одеяло: мальчик мирно спал, и на его щеках проступил чуть заметный румянец. Дышал он ровно и спокойно. В радостном испуге, не веря себе, родители позвали жившего по соседству врача. Он посмотрел на спящего ребенка и рассердился: «Зачем вы меня беспокоили, вызывая к здоровому мальчику. Он ничем не болен». Явился вчерашний доктор. «Где покойник?» — тихо спросил он. Ему показали на мальчика, который, сидя в постели, кушал завтрак. — «Ничего

не понимаю!» — пожал плечами знаменитый доктор, — «тут действительно произошло чудо». — Не раз видела я эту чету и мальчика, которому тогда было 6-7 лет.

Иногда в моей жизни случались сильные искушения: то размолвка с руководящей старицей, склонившейся в иосифлянство, или недоразумение с неверующими родными. Мучительно бывало, тяжело и одиноко. Иду к батюшке, прошу благословения навестить знакомых, чтобы отвлечься.

— Это зачем? Помощи от людей ждете. Только один Бог силен помочь. Если хотите, поезжайте к блаженной Ксении или к окошечку батюшки отца Иоанна. А к людям за утешением идти нечего.

Во время разгрома Лавры архимандрит Сергей был арестован и сослан. Его бывшая келейница отыскала его где-то в глухом южном городке. Он просил милостыню вместе с нищими на паперти еще не закрытой церкви.

Судьбу батюшки схимника отца Серафима Бог устроил иначе: незадолго до св. ночи* он тяжело заболел. Врачи объявили, что его может спасти только пребывание в деревне.

Столько лет не выходя за ворота обители, он наотрез отказался ехать. Но епископ, настоятель Лавры, решил не так. Он вызвал из Новодевичьего монахиню Х., бывшую жену батюшки и благословил ее увезти больного старца в деревню. Все обстоятельства благоприятствовали, и помещение нашлось, и автомобиль достали. Схимник не посмел ослушаться воли своего владыки. Его увезли в деревню. Аресты, разразившиеся через несколько дней, его не коснулись. Так Господь сохранил жизнь этого старца для прославления Своего имени.

VIII.

Над церковью разразилась новая беда. Епископ Иосиф резко порвал все отношения с митрополитом Сергием. Он был вскоре арестован, но движение, вызванное его поступком, возглавил епископ Дмитрий. Почти сейчас же отлученный от церкви митрополитом Сергием, он провозгласил себя архиепископом. К нему примкнуло несколько очень уважаемых и популярных служителей церкви. Сам он рукоположил еще несколько новых священников.

Иосифляне с большим презрением и ненавистью относились к верующим, не примкнувшим к ним. Они запретили своим последователям посещать церкви, где поминали правящую митрополию, и входить в какое либо общение с молящимися в этих церквях. Среди искренне верующих людей, в самом сердце православной церкви возникло мучительное разногласие. Любимый проповедник отец Феодор стал во главе иосифлянского движения. С другой стороны, такие уважаемые владыки, как епископ Григорий и Стефан воздерживались от решающе-

---

* «Святая Ночь», так названа была ночь, когда произошли массовые аресты духовенства и верующих.

го шага. Верующие волновались, осыпали друг друга упреками, клеветали, доходили до нелепости в своих утверждениях. Спорили целыми ночами.

В Лавре среди монахов жил карлик А. Постоянно бывал он в церкви, читал духовные книги, жил одной жизнью с братией. Он горячо восстал против раскола, являлся к матушке С., склонившейся в сторону иосифлян, и часами спорил с нею. Его тонкий голосок звенел по всей квартире. Однажды у меня был знакомый профессор, мнение которого в церковных делах имело большое значение. К нему прислушивались и митрополит Сергей и владыка Иосиф.

Выходя от меня, он в коридоре встретился с видным поборником иосифлян, священником отцом В. Начались прения. Напрасно мы предлагали им сесть, напиток чаю, отдохнуть. Так до вечера простояли они в коридоре, не переставая убеждать друг друга.

— На школьных тетрадях пишутся безбожные лозунги, — кричал один.

— А что же другое могут они писать? — возражал другой, — И при чем здесь митрополит Сергей?

— Я запрещаю своим духовным чадам платить налоги.

— Тогда запретите им платить за квартиру, получать продуктовые карточки, ездить в трамвае, есть, пить, дышать.

С нетерпением жаждали мы узнать мнение владыки М. Его чистая, честная, неподкупная христианская совесть — что подскажет она ему? Как он поступит?

Наконец, из Соловков получилась весточка: «Не отходите от митрополита Сергея. Искренне жалею тех, кто уклонился в раскол». — И он клеймил иосифлян тягостным для них именем раскольников.

Для многих такая позиция самого популярного епископа была полной неожиданностью. Владыку ждали со дня на день. Он уже закончил срок своего заключения. Его возвращение задерживалось. Наконец, пронесся слух: едет Владыка. Сначала это было только краткое свидание по дороге в Москву, а потом его ждали уже на несколько дней к нам.

Его духовная дочь, монахиня У. отправилась повидаться с ним на вокзале. Она вернулась с тем же повелением. Нахмурилась матушка С., призадумались многие, уже перешедшие в храм Воскресения — центр иосифлянского движения. Наконец, долгожданный Владыка прибыл в Петербург, и прямо с вокзала проехал в Лавру, — на могилу своей матери, скончавшейся, когда он был в ссылке. Вечером он служил в Соборе. Толпа народа заняла всю площадь, как на Пасху. Все были радостные, взволнованные, ловили каждое его слово. Он говорил о тибельности рздоров внутри церкви, о необходимости уметь прощать ошибки помогать друг другу, о всеобъемлющей любви Божией. Говорил легко, вдохновенно. Это было горячее приветствие человека, побывавшего за гранью жизни, вы

рвавшегося, по воле Божией, из ада на земле и вернувшегося к нам в полной силе своего архипастырского служения. Он здоровался со вновь обретенной паствой, радовался свободе и жизни.

Всего несколько дней было ему разрешено пробыть в городе. На всех его службах церкви были переполнены народом.

На другой день, прямо от могилы матери, с кладбища, он прошел в келлию отца Серафима, где мы ждали его с матерью У. Мы сообщили ему, что у матушки Серафимы его ожидают два-три самых видных иосифлянских священника: отец Феодор и другие.

— Ну что же, пойдем, поломаем с ними копыя. А сейчас побеседуем о ваших личных делах. Как то вы тут без пастыря управляетесь.

Мать У. бросилась готовить угощение. Отец Серафим вышел в соседнюю комнату. Мы остались вдвоем и стали говорить. Всю душу открыла я ему в эти минуты, все, что наболело у меня на сердце, что так тяготило меня: взаимоотношения с матушкой Е. и ее обителью, мои отношения с матушкой С., которые все более и более усложнялись, благодаря ее переходу в лагерь иосифлян. Не имея права, не решаясь выйти из повиновения старца, мы с матерью У. уже почти весь Великий Пост не ходим ни в ту, ни в другую церковь. Приближалась Страстная Неделя. Мы изнывали без Причастия, привыкшие к почти ежедневному принятию Св. Даров.

Говорила я ему о своей внутренней брани. Он все понимал с полуслова, на лету подхватывал мысль и отвечал на нее. По его мнению, раскол очень муслировался извне, обострялся стараниями власти. Он очень ослаблял единство и без того поколебленной гонениями церкви. Несмотря на явные, чисто ребяческие выпады против власти, идущие в разрез с общепризнанным принципом аполитичности (Церковь — вне политики), почти никто из иосифлян не был тогда арестован. Им видимо покровительствовали, например, отнимали церкви от сергиевцев и передавали иосифлянам. Секретно одному епископу предложили перейти на сторону раскола, обещая в этом случае в течение года гарантировать оставление его на свободе..

Но главным двигателем нового движения была гордость, доводившая их почти до предела. Они называли себя «единственной истинной церковью».

— Страшно все это и, главное, совсем не во время. Теперь, как никогда, надо бы нам всем сплотиться. Жаль мне их. Все это мои лучшие друзья. Но не могу я идти с ними против моей совести.

С большим интересом Владыка выслушал о том, как к митрополиту Сергию ездило тогда несколько человек профессоров из руководящих церковных кругов. Все они осуждали по-

литику митрополита, но на разрыв с ним по тем же соображениям решили не идти.

Надо было кончать беседу.

— Ну, Мария, надо и другим дать поговорить с Владыкой, — сказал отец Серафим. Он прозвал мать У. Марфой, а меня Марией.

Владыка стал беседовать со своими духовными детьми, расспрашивал, как они молятся, просил усилить Иисусову молитву.

— В Соловках я узелки на веревочку навязал, и так было легко молиться, по этим четкам, как никогда не доводилось мне по нарядным. Смотрите, утренних и вечерних молитв не опускайте. Непременно выучите их наизусть.

Он прошел к матушке С. Никто из ждавших его там священников не подошел к нему под благословение. Он нахмурился. Нельзя было и подумать, что его синие ясные глаза могут быть такими грозными. Это все были его прежние сподвижники, близкие друзья.

Начались прения. И все ясней и ясней становилось, что Владыка прав. Так ярко проступало во всем, что говорили священники, самообольщение, гордость и самолюбование, в которые впали эти служители церкви.

— Не бойся, малое стадо! Мы — избранная кучка, — тот камень, на котором спасается Церковь, — говорил отец Федор.

А Владыка, смиренно склонив голову, прошептал: «Если Господь поможет».

— Отец Федор, скажите, — спросил Владыка, — после того, как вы были отлучены от Церкви и лишены права служения, что вы сделали?

— Я сейчас же пошел в наш храм и стал совершать литургию.

— Но ведь тогда вашим епископом еще не был провозглашен ваш отход от церкви, возглавляемой митрополитом Сергием?

— Нет еще. Но это все равно.

— Боже, как страшно! — невольно вырвалось у кого-то.

Спокойно, ясно, просто сбивал Владыка их со всех позиций..

Что это было? Почему такая злоба и ненависть оказалась в сердцах людей? Неужели уклонение в сторону и отлучение от Апостольской Церкви уничтожило в них действие благодати, и человеческая гордость так ослепила этих лучших служителей алтаря? Беседа затянулась за полночь.

— Завтра я приду к отцу Серафиму и мы решим, что с вами делать, — сказал Владыка, прощаясь.

На другой день с кладбища он опять пришел к отцу Серафиму.

— Владыка, как они могли не принять вашего благословения? — возмущались мы.

— Меня самого это очень больно поразило. Ведь не меня они должны были почтить, а православного епископа. Бедные, бедные люди! Что-то будет с ними?! Ну, а теперь займемся вашими делами. Он взял меня и мать У. из под руководства матушки С. Благословил посещать сергиевские церкви и причащаться в Лавре. На поступки, в которых мы сами не могли разобраться, испрашивать благословения у отца Серафима.

Сначала я не совсем его поняла.

— Владыка, вы отдаете нас под руководство отца Серафима?

— Не совсем. Можете писать мне. Спрашивайте батюшку Серафима. С полным послушанием в наше время очень трудно, хотя оно и полезно и нужно в духовной жизни.

Он задумался: «Ныне оскуде преподобный». Потом добавил: «Ведь вы не маленькая. Вспоминайте, как трудно было Игнатию Брянчанинову нести полное послушание старцу. Что он пишет? Лучший руководитель и старец это — святое Евангелие и святоотеческие книги. Никогда не оставляйте чтения Св. Писания. Оно всему научит. Чаше посещайте Владыку Стефана. Это великий молитвенник, не от мира сего монах. Почитайте его. Мудрый он старец. И Царице Небесной молитесь почаще, да усердней. Она всему научит и наставит вас на истинный путь. А если о чем спросите старца, то от его благословения не отступайте. Я знаю, вы не употребите во зло ту свободу, которую волей-неволей приходится вам дать.

Он опять взглянул ласково и остро. Я поцеловала его благословляющую десницу. — Он вскоре уехал. Епархию он получил где-то в глуши под Москвой. Оттуда писал он длинные, как насущный хлеб нужные письма. Работал он много. День и ночь странствовал по приходу: и детей крестил, и хоронил, и укреплял страждущих. Народ очень привязался к маленькому, подвижному, всем доступному святителю.

Потом он ушел на покой, избегая молитвенного общения с митрополитом Сергием.

Вскоре наступил 1932 год — наш арест, оборвавший нашу связь с внутренней, сокровенной духовной жизнью Церкви.

IX.

Кроме нашей иконы Царицы Небесной Скорбящей, икон Скоропослушницы, Знамения, Казанской, Троеручицы и образа Нерукотворного Спаса, верующие отправлялись молиться и к Державной Иконе Божией Матери — в церковь Алексея, Человека Божия, на Петербургской Стороне. В эту церковь к ранней обедне обычно приходил молиться большой почитатель этой иконы, священник отец Михаил Прудников.

Строгое лицо, обрамленное седыми волосами и бородой,

суровые, горящие глаза. Он был когда-то военным и служил во флоте. Молодой Лейтенант серьезно заболел: врачи определили скоротечную чахотку. Ему стало очень плохо. Надежды на выздоровление не было никакой. Больной слабел с часу на час. Однажды он попросил родных выйти из комнаты не надолго, надеясь задремать. Оставшись один, он вдруг видит: у его изголовья стоит монах. Из под черного куколя смотрит на него такое знакомое по иконным изображениям лицо. Глаза сияют лаской. Преподобный Сергей протянул ему просфору.

— Съешь, будешь здоров и служи Господу.

Родные застали больного мирно спящим, в руке его лежала недоеденный кусок просфоры. Через несколько дней он был совершенно здоров и с того времени всю свою жизнь посвятил Богу и служению ближним.

В первые дни революции, когда всех обывателей гнали на тяжелые работы, отец Михаил тоже работал где-то по разгрузке досок. На него упала тяжелая балка. С тех пор он почти не мог ходить, часто прихварывал и мало выходил из дома. Ясный, холодный ум, некоторая суровость в обращении. Безжалостная подчас требовательность к себе и другим — вот его отличительные черты. Он широко распространил в городе славу и почитание Иконы Державной Божией Матери. Когда Церковь Алексия, Человека Божия была закрыта, в церкви Иоанна Предтечи, на Обводном Канале, по средам стали читать акафисты Державной. На эту службу стекалось множество народа. Отец Михаил вел борьбу не с одной «живой» церковью. В Петербурге было много, в особенности среди молодежи, небольших общин чисто сектантского характера. Все они чуждались православной церкви и устанавливали свой культ и понимание религиозных истин. Под влиянием отца Михаила многие из них вернулись в лоно Церкви.

Отец Михаил высказался против иосифлянства. Некоторые из его духовных чад уклонились было туда, но под влиянием бесед с ним, они опять примкнули к сергиевцам, хотя молитвенного общения с митрополитом избегали. Отец Михаил очень любил и ценил канон и акафист Святой Троице, составленный епископом Иннокентием Херсонским. Он вычитывал его всегда целиком, не опуская ни одной молитвы, ни одного «Господи помилуй». Часто он включал этот акафист в ежедневное правило своих духовных детей.

Как-то раз ко мне пришла одна молодая девушка, находившаяся под сильным влиянием разных теософских мастеров. Несколько раз в жизни приходилось мне сталкиваться с этим учением. У меня создалось такое впечатление, что здесь все перепуталось. Вместе с сильной примесью христианской гностики, они захватили кое что от тибетской мистики и все это смешали с некоторыми красивыми философскими теориями и на фоне этой амальгамы ярко выступало поклонение человеку, собственному «я», человеческая гордость и самолюбие.

вание, толкавшие их на грубые плутни и мошенничества для привлечения последователей (напр., «Современная Жрица Изиды» Всеволода Соловьева). Если верить Нилусу, то тут скрывается и нечто более глубокое и мрачное.

В моей личной жизни знакомство с теософами окончилось довольно комично. Совсем молоденькой девушкой я встрети-лась в Париже с несколькими дамами, умными и образованны-ми, очень увлекавшимися этим учением. Тогда в Париже был как раз один из видных мастеров, основатель целой колонии теософов в Германии, некто Ш.

Меня затащили на одну из его лекций. Он читал о воспи-тании воли в человеке, о необходимости строгого поста, упо-мянул, что сам никогда не ест мяса. Мои знакомые принялись за бобы, фасоль и всякую вегетарианскую снедь. Вскоре после лекции я была в гостях у своих родственников, на другом кон-це Парижа, в небольшом фешенебельном отеле. Мы спустились к обеду в помещение закрытого ресторана при гостиннице. Каково же было мое удивление, когда при входе в зал, я уви-дела знаменитого теософского постника, который, видимо, чувствуя себя в безопасности от своих поклонниц, мирно упле-тал сочный бифштекс.

Больше я на его лекции не ходила. Пришедшую ко мне девушку я направила к отцу Михаилу, чувствуя, что мне самой с этой задачей не справиться. Вскоре с радостью я увидела ее в церкви.

Целые общины юношей и девушек, сбитых с толку, но иск-ренно стремящихся к познанию истины, под влиянием отца Ми-хаила и лаврского схимника возвращались в церковь. Отец Михаил очень строго требовал полного себе послушания. Ес-ли что благословит — нельзя было ослушаться ни на иоту, он этого не прощал.

Многие монахи и священники избрали его своим духов-ником. Не любил он, когда кланялись ему в ноги. «Встань, встань, я такой же человек, как и ты» — недовольно говорил он. Перед смертью он болел недолго. Кончина его была мирная, тихая. Похоронили его в его любимой Сергиевской пустыни, не далеко от могилы Николая Грачева. Многие богомольцы сте-кались на кладбище к этим могилам. Когда монастырь был ра-зогнан, и воинская часть заняла все его помещения, к его мо-гиле на кладбище перестали пускать посетителей.

Х.

Необычайно красив был Храм в Сергиевской пустыни. Очень гармонично была подобрана гамма цветов в стеклах окон. Прозрачный мистический полумрак окутывал входяще-го богомольца. Вместо иконостаса — две огромных, темно-бронзовых коленопреклонных ангела украшали доступ в ал-тарь.

На стенах была изображена бесконечная вереница святых, которые все шли, шли... туда — вперед, к Богу. В облаках кадильного дыма казалось, что все они живы и действительно идут. Этот непрерывный поток людей — тут были цари и царицы, князья, воины, монахи, пустынники в звериных кожах с длинными волосами, дети, юноши, старцы, мученники, великомученницы и преподобные — создавал непередаваемое, влекущее впечатление, манил за собою в небесные дали.

Везде ощущались вкус и влияние строителя и первого настоятеля пустыни, Игнатия Брянчанинова. Вспоминались подробности его жизни, подвиги и скрытых скорбей. Икона Преподобного Сергия производила очень сильное впечатление. Он был написан еще молодым с темнорусой бородой и светло-каштановыми волосами. Глаза синие, пронизательные, в упор смотрели на богомольца.

В эпоху разгрома монастыря икону пытались спасти, ее прятали. Переночевала она и у меня, словно Преподобный приходил сказать мне «прости» перед моим арестом. Потом в тюрьме, в ночь приговора, я увидела эту икону во сне. Преподобный поднял руку и осенил меня широким крестом. Тяжело легла его рука на мой лоб и плечи.

В пустыни мы перезнакомились со многими из братии и не раз после обедни закусывали у кого-нибудь из них, чем Бог послал, перед отъездом в город. Бывали случаи, что и ночевать у них приходилось, и тогда беседа за самоваром затягивалась далеко за полночь.

Была одна еще очень чтимая икона Знамения Божией Матери в бывшем Царском Селе. Удивительно хорош лик Божией Матери: то скорбной и бледной со слезами на глазах, являлась Она молящимся, а порой чуть заметный румянец проступал на щеках, и словно улыбалась Она. Прощения, возносимые перед этой иконой, исполнялись иногда с потрясающей быстротой. Но за обман, ложь, неискренность, Владычица строго наказывала, провинившихся.

Одна молодая женщина нарушила данный ею перед иконой обет. Вскоре она лишилась рассудка. Очень многие ходили пешком на богомолье в Царское, поклониться Царице Небесной. Здесь жил один известный художник Головин. Это был глубоко верующий человек. У него дома беспрестанно ночевали богомольцы: и отец Михаил Прудников, и Владыка Стефан и многие другие.

Религиозная жизнь в Царском была очень интенсивная. Здесь тоже создалось братство. В соборе был один молодой, очень ревностный священник, отец А. Он был из белого духовенства, но холостой; очень много читал, хорошо говорил, писал стихи, написал очень глубокое толкование на Песнь Гласней Соломона. Он пользовался большим уважением своей паствы.

Аресты «святой ночи» почти не коснулись Царского. Отец А. уцелел, и многие, оставшиеся на свободе верующие потя-

нулись к нему. Он очень хорошо служил, чутко исповедывал.

Духовная жизнь в Царском шла почти нормально, если вообще какую-нибудь жизнь можно назвать нормальной в тех условиях, до 1938 года, когда отца А. отозвали из Собора и послали на приход в одной дальней деревне. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

XI

В период моего обращения, Александро-Невское Братство, основанное архимандритами Гурием и Львом, было изгнано из Лавры. Застала я его уже в маленькой церковушке, в глубине двора одного дома на Спасской. Братья и братчицы вели очень напряженную духовную жизнь, делали много добра, ходили по больницам, тюрьмам и приютам. Одно время раздавали дешевые или бесплатные обеды нуждающимся. Оба архимандрита были арестованы. Духовной жизнью братства стал руководить отец Мануил, потом епископ. После его ареста душой братства стал отец В. Большое участие во внутренней жизни братства принимал отец Федор до своего перехода в иосифлянство, и некоторые священники из приходских церквей, где тоже были небольшие братства. Потом, когда их церкви закрыли, хор братства перешел в церковь Космы и Дамьяна, а после закрытия и этой церкви, в Феодоровскую, с иконой Божией Матери Феодоровской, недалеко от церкви Скоропослушницы на Старом Невском. Почти все члены братства жили на частных квартирах, с родными, но из их среды выделились две женских общины. Одна, более мирская, наняла себе квартиру в городе. Другая, чисто монашеского направления, поселилась за городом, в деревне.

В этом дачном месте в былые годы находилось небольшое подворье Дивеевского Монастыря с двумя церквями: летней и зимней, во имя Преподобного Серафима. Каким-то чудом, после изгнания монахинь, удалось нанять дом, где они жили, и получить право на служение в церквях. Вскоре часть дома отняли. Но жильцы оказались не плохие, сестры поладили с ними, жить было можно. Обзавелись хозяйством и огородом, даже корову купили и кур держали. Работы было много. Кое-кто из сестер ездил в город. Во главе общины стояла молодая энергичная сестра Н. Она была пострижена, — как это обычно бывает, — тайно, в рясофор. Управляла она общиной очень умно и тактично. Очевидно, Преподобный помогал ей. Ее прозвали «рясофорная игуменья». Ей удалось привлечь к себе в общину духовно очень сильного иеромонаха отца В. Его очень хотела увезти в свой монастырь матушка Е., но сестра Н. сумела уговорить его не покидать юную общину. «Вы понимаете: отбила у меня хорошего батюшку!» — с улыбкой рассказывала матушка Е.: «молодая ваша рясофорная игуменья». Но этот иеромонах был очень слабого здоровья и не мог ежедневно служить. Отец П. очень полюбил тихую общину и часто ездил туда служить в помощь больному отцу В.

Мы перезнакомились с сестрами и вошли в строй их духовной жизни. Образ жизни их был очень строгий, подчас строже, чем в обители матушки Е. Это очень было хорошо, — даже сплетен не было.

Кроме церковных служб, они вместе молились утром и вечером. За трапезой неукомительно читались Жития Святых. Разговоры не допускались. Очень хороши были некоторые псалмы, принятые в вечернее правило, особенно 45-й псалом, которым они заканчивали молитвословие.

«Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбех, обретших ны зело.... Смяташася языцы, уклонишася царствия. Даже глас Свой вышний, подвижеся земля. Господь Сил с нами. Заступник наш Бог Иаковль».

Случилось мне встретить у них Великий Пост, провести первые дни его, а потом и Страстную Седмицу. В эти дни сестры совсем не разговаривали друг с другом. Говорилось только самое необходимое. Мы почти не выходили из церкви, а вечером по минее вычитывали то, что волей-неволей приходилось опускать, чтобы не слишком утомлять прихожан. С грустью всегда покидали мы общину.

В Лавре тоже были чудесные великопостные службы. Особенно хороши пели братия из полунощницы «Се жених грядет в полунощи». Сначала едва слышно пел только один клирос, затем откликнулся другой. Затем опять немного громче первый. Создавалось впечатление, что действительно жених придет откуда-то издалека. Вот он приближается. Вот громче, торжественно грянули оба клироса: жених здесь, близко, среди нас...

Однако, в церкви было много печального: любимый настоятель Лавры, епископ Григорий был снят по распоряжению митрополита Сергия, и Ленинградский митрополит Серафим, по распоряжению того же митрополита Сергия, был лишен права служения. Он был удален на покой. Прошел слух, что и Владыка Мануил удален на покой. Матушка С. с сестрами окончательно перешла в иосифлянство. Из обители приехала матушка Е. Долго беседовала она с разными церковными деятелями и решила не отходить от сергиевской церкви. Для ее стариц даже и никакого вопроса не было: они только молились за отпавших.

В деревенской общине братства не было всех нужных им книг. Это подало им повод изредка наведываться ко мне. Я всегда очень радовалась их приходу. Их община была разогнана и сестры арестованы в том же памятном 1932 году. Две из них случайно уцелели. Их духовник был в одном лагере с нами и лежал в нашей лагерной больнице. Одна из сестер приехала к нему на свидание и привезла нам вести от близких. Мы очень обрадовались ей.

Иногда, когда у меня возникал какой-либо вопрос, который я не могла сама разрешить, а не хотелось в данном слу-

чае спрашивать лаврских старцев, я отправлялась ча Петербургскую сторону в церковь, где за обедней обычно молился Владыка Стефан.

Редко человек производил на окружающих такое сильное впечатление — прямо физически чувствовалась его необычайная чистота, ясность и мир душевный. Почти все приближающиеся к нему невольно склоняли перед ним колена, а он смиренно сейчас же тоже отвечал земным поклоном. Только начнешь ему говорить, а он уже отвечает на самую твою сокровенную мысль, понимает ее лучше тебя и говорит так, что всю душу перевернет в тебе. Невольно из глаз польются слезы, и все мрачное, томительное исчезает из сердца.

Отрешенный от всего мирского, святитель совершенно не вмешивался во внешнюю церковную жизнь. От иосифлян он сторонился, но на литургии митрополита Сергия поминал не всегда. Однажды он мне категорически запретил в Прощенное Воскресенье попросить прощения у одной монахини. Я не ссорилась с нею, но уклонялась от общения с нею.

— Не надо кривить душой. Вы не чувствуете себя виноватой. Так оно и есть. Ваша совесть спокойна. Зачем же комедию ломать. Надо уметь быть правдивой. Молитесь, читайте с вашим старцем Серафимом. Мне приятно думать, что вы около него.

Но и он теперь как-то замолкал, когда я заговаривала о полном послушании.

— Время сейчас не такое. Ведь вы уже три раза отдавали себя в полное послушание, и ничего не получалось. Знаю, что вам, может быть, и легче было бы и правильнее такой путь отказа от своей воли. Да что же, — ничего не поделаешь.... Трудный это вопрос. Когда нужно, приходите ко мне. Помыслы открывайте духовнику и старцу. В мелочах сами себя руководите по Евангелию. Пора уже. Не новичек вы в духовной жизни. На месте топтаться тоже прешно. В предания устремляйтесь... Духа не угашайте..

Очень я полюбила этого человека, ангела во плоти. Он был арестован немного раньше нас и вскоре в тюрьме скончался.

XII

В окрестностях Петербурга в то время сохранился еще один небольшой мужской монастырь, куда многие отправлялись на богомолье — Макарьевская пустынь.

Рано утром сели мы в поезд и вышли на станции Л. Собралось нас человек 30. Напились чаю в подворье и отправились пешком в обитель.

Сначала дорога шла полями. Вокруг нас мерно колыхались колосья ржи, шелестели метелки овса, розовели поля гречихи, по которым пробегающий ветерок чертил фиолетовые волны. Городские жители, мы радовались простору, солнцу, природе.

Передохнув в одной деревне, мы вошли в лес. Отац П. руково­дивший нами, начал читать наизусть акафист Божьей Матери всех скорбящих радости. Все подхватили припев, а потом ирмосы канона. Долго длилась молитва, наконец замер последний звук, а лес все тянется такой же густой и бесконечный. Все утомились и притихли. Ноги разболелись и опухли. Башмаки натерли пятки. Все тело ныло.

Идешь, идешь — конца нет зеленой чаще. Уже смеркается, а неизвестно сколько еще итти. Сбоку из-за леса выплыла луна, ее лучи сплетались с вечерней зарей, а мы все идем... Наконец, вышли на опушку. Под горой протекала небольшая речка, а вдали показалась бревенчатая церковь. На фоне неба вырисовалась колокольня, под ней темнела крыша монастырского корпуса. И вот издали к нам донесся дребезжащий звон маленького монастырского колокола. Давно не слыхали мы монастырского звона. Все оживились и чуть не бегом пустились вниз с горы: хотелось успеть ко всенощной.

Когда-то здесь, среди болот, на небольшом островке твердой земли, окруженном со всех сторон непроходимой трясиной, спасался перенесенный сюда неведомым образом из Италии — отшельник Св. Макарий Римлянин. Закрытая рака с его мощами находилась в монастырской церкви. На месте его келлии воздвигли маленькую церковочку. Братия осушила среди болот большое пространство для храма и монастырских корпусов, провела дороги, осушила и разработала для поля и огородов участки земли.

ПРИМЕЧАНИЕ: В 1764 году, при Екатерине II, во время предпринятого ею массового закрытия монастырей, была уг­раждена и эта, чрезвычайно чтившаяся в народе Макарьевская пустынь. Как известно, тогда закрыто было четыре пятых всех русских монастырей, и даже Серафиму Саровскому пришлось принимать монашество не официально, нелегально, записываясь в Городецком монастыре, где он фактически не бывал. Восстановлена была Макарьевская пустынь лишь в 1894 г. под наименованием Воскресенского монастыря.

Большевики отобрали поля. Верующие привозили из городка мешки сухарей, монахи перерабатывали их и пекли хлеб для общих трапез. Нищие и юродивые ютились подле обители. Лаврского юродивого Мишу все знали хорошо, понимали его выкрики и уважали этого седого, как лунь, старика с черными молодыми глазами. Помню, как-то раз доктор неудачно вырвал мне зуб. Опухоль держалась несколько м-цев и не рассасывалась. Вся челюсть болела. Приходилось носить повязку. Миша подошел ко мне за обедней и шепнул на ухо: «Съезди в Новодевичий, возьми масла из лампадки у иконы мученика Антипы и помажь щеку. Ишь ты — больно умная: у докторов вздумала лечиться». — Я обернулась, а его уже и след простыл, словно сгинул. Отправилась я к обедне в Новодевичий, а сестры за свечным ящиком даже не знают, где у них икона муче-

ника Антипы. Еле, еле отыскали мы небольшую икону. Сделала я, как сказал Миша: помазала щеку маслом и с собой взяла его из лампадки. Вскоре все прошло: опухоль рассосалась, чеплюсть перестала болеть.

Этот самый Миша был прежде «неверующим интеллигентом» — инженером. Но когда Господь посетил его душу, это его так потрясло, что он принял на себя тяжелый подвиг — стал юродивым. Вскоре он исчез куда-то. Прошел слух, что его арестовали, а в тюрьме он попал под злую руку к следователю и его расстреляли.

Многие нищие и юродивые так исчезали неизвестно куда. Совсем иная была здешняя юродивая Елизаветушка. Несмотря на вериги, которые она носила больше за собой в мешке, что-то неприятное было в этой льстивой, сухенькой женщине. Юродивые редко попрошайничают, никогда не подлизываются, а она делала и то и другое.

— Это наш большой крест, — говорил про нее архимандрит Н., казначей и управляющий всеми делами обители. И, действительно, Елизаветушка не только ссорилась, кричала, бранилась и грозила — это встречается часто среди юродивых; но в тюрьме она лебезила и заискивала перед следователями и начальством, смешила их прибаутками, пошла на роль шутихи, и что еще гораздо хуже: очернила несколько монахов, «настужала» на них и этим купила себе свободу. Не любили и боялись ее все мы в тюрьме.

Обстоятельства сложились так, что однажды осенью мне довелось прожить в Макарьевской пустыни около двух недель. За это время я познакомилась и сблизилась с некоторыми из братий. Среди них был один старик, монах будильщик. Мы разговорились. Я любила его светлую, чистую келлию, жарко натопленную. Он рассказал мне много интересного об имябожниках. Одно время часть братии увлеклась имябожием и чуть было не уклонилась, во главе с тогдашним настоятелем, в сторону этого учения.

По вечерам я переписывала для обители акафисты и часто беседовала с архимандритом Н. Он был тогда уже глубоким стариком. Он рассказал, как много лет тому назад он приехал из деревни в Питер, чтобы отправиться с партией богомольцев в Иерусалим. В городе он повстречался с некоторыми монахами из пустыни, приехал в обитель и через некоторое время был пострижен. Там иноческая жизнь затянула его: строительство храма, обители, дела по хозяйству так закрутили его, что некогда было и подумать об отъезде.

Между тем, несколько человек из братии с очередной партией богомольцев поехали в Палестину. Грустно ему было оставаться, да ничего не поделаешь, раз послушание такое на его долю выпало. Мысленно он следил за путешествием братии. И вот видит он сон: будто со всеми богомольцами приехал он в Иерусалим и направляется в храм. Вот и Гроб Госпо-

ден и лампы горят. У Гроба приветствует его монах из пустыни:

— И вы здесь, отец Архимандрит! А я и не знал.

Вместе подошли они и поклонились Гробу Господню, вместе вышли в Кувуклию, вместе отстояли обедню и причастились. — Прошло сколько-то времени. Возвращаются богомольцы. Приходит этот брат к нему и спрашивает: «Куда вы скрылись, отец архимандрит, после того, как мы с вами поклонились Гробу Господню? Искал я вас в Иерусалиме по всему русскому подворью. А мне говорят: нет и не было такого».

Вот как побывал отец Н. в Иерусалиме.

Ласковый и простой, не раз приносил он мне угощение: то моченой брусники, то грибов или толочна.

В очень трудное, жуткое время гостила я у них.

— Молитесь преподобному Макарию, да Божьей Матери Иверской! — утешал он меня. Икона Иверской Божьей Матери здесь была особенная. Святая Дева была написана в полном монашеском облачении, в мантии и с четками в руках.

Настоятель обители, епископ Макарий, принял схиму, почти не покидал своей келлии и редко беседовал с богомольцами, кроме нескольких своих духовных детей. Мы несколько раз встречались с ним в коридоре и в церкви. Но, наконец, и мне пришлось побывать у него и побеседовать с ним. Замкнутый, серьезный, грустный он производил сильное впечатление на богомольцев; а если кто-нибудь вел себя шумно или вообще неподобающим образом, или же пропускал церковные службы, владыка через келейника просил такового оставить обитель. Молодежь побаивалась его и старалась не нарушать строгих монастырских уставов.

Утренняя начиналась в 4 часа утра, после нее — ранняя обедня. Вслед за ней, в 9 часов — поздняя Литургия и молебен, кончавшихся между 12 и часом дня. Потом трапеза. В 4 часа вечерня или всенощная, акафист и после него панихида. Служба кончалась между 8 и 9 часами вечера. Следовал ужин. Около 12 часов ночи — полунощница.

В конце концов надо было ехать назад в город. На станции, в церкви подворья отстояла я всенощную. Долго стояла я на коленях перед иконой преподобного Макария. Казалось, он взглядом одобрял меня. Действительно, все обошлось хорошо.

Еще несколько раз навещали мы пустынь. В лютый мороз, в конце Рождественского поста приехали мы туда, чтобы провести с братией праздник Преподобного. Отцу П. хотелось пособороваться у владыки. Наше духовенство соборовало не только тяжело больных. В это страшное время все находилось под вечной угрозой внезапной насильственной смерти или невозможности совершения Св. Таинств. Монахи и некоторые верующие миряне обычно соборовались в Рождественском или Великом Посту.

Отец П. служил обедню в маленькой церкви на месте пустынной келии преподобного. Владыка Макарий пришел помолиться вместе с нами. По указанию отца П. я подошла к нему под благословение и передала просьбу отца П. о соборовании.

— Почему отцу П. так хочется собороваться? — спросил епископ.

— У него очень тяжело на душе. — Владыка сурово посмотрел на меня и вдруг из глаз его брызнули слезы. Он неудержимо разрыдался.

— Если бы вы знали, сколько тяжелого нас ждет впереди. Сколько страданий и мучений. Наша обитель будет разорена. Святые наши поруганы.

Он продолжал рыдать. Испуганный послушник кинулся было к нему. Отец П. его удержал. Они все тихо вышли.

Я стояла перед скорбящим святителем глубоко потрясенная, охваченная предчувствием надвигающейся грозы. Он говорил точно сам с собою, забыв обо мне. Потом медленно пришел в себя, подошел к иконе Преподобного, приложился, вышел из церкви и направился по дороге в обитель. Его высокая, черная фигура резко выделялась на белой девственной пелене снега, искрящегося под яркими лучами зимнего солнца.

Через год его пророчество сбылось. Разразились аресты «святой ночи» и смели с лица земли все остатки монастырей и общин. В эту ночь была арестована и я.

Владыка попал в концлагерь в Сибирь и был там ночным сторожем.

Он был убит на молитве во время советской бомбардировки Печерского монастыря в Эстонии, куда он приехал в 1946 году.

Архимандрит Н. скончался через очень короткое время в концлагере не вынес условий жизни там.

ХII

В концлагерь нас везли в одном поезде со многими монахами и священниками. На распределительном пункте мы встретились и во время общих работ в первые дни могли немного говорить.

На другой день после приезда их всех обрили и одели в штатское платье. Несмотря на всю печаль и скорбь, нам невольно стало смешно. С трудом узнавали мы их бритые, изменившиеся, помолодевшие лица. Живописное лагерное тряпье делало их похожими на бандитов. Архимандрит Л. был прямо заправский шпана, да у отца В. был такой вид, что незнавшие его могли, при его появлении, с опаской схватиться за кар-

ман. К нам подошел очень молодой человек в военном френче и рейтузах. Он улыбался, а рука невольно поднялась по привычке, чтобы дать благословение. Никак нельзя было узнать в этом юноше прежнего солидного иеромонаха с окладистой русой бородой.

Потом распределили, кого куда. Нас отправили сестрами в госпиталь. Часть духовенства увезли в другие лагеря. Иеромонах В. остался в Гулаге. Талантливый художник, он получил определение в театр писать декорации, иллюстрировал также газету, писал плакаты.

Красивый, молодой, он пережил много искушений. Но убежденный монах очень строгой жизни, он оставался непоколебимым. Иногда ему удавалось приехать к нам, навестить больного отца В., лежавшего у нас в больнице. Иногда нас отпускали по делам в Гулаг, и мы забежали в его маленькую комнату, рядом с театром.

Однажды, в начале лета мы выбрались на опушку леса подле наших бараков, за земляникой. Трава выше нас ростом закрывала нас с головой. Мы разбрелись в разные стороны, тихонько напевая псалмы, или читая наизусть молитвы.

Я присела на кочку. И вдруг, в шелесте травы ясно услышала голос: «Ты будешь свободна на Преображение». Это повторилось три раза.

В Гулаг меня не пустили, но братчище Н. удалось достать пропуск. Я просила ее рассказать отцу В. о случившемся со мною. Вернувшись назад, Н. передала следующее: Отец В., услышав от нее то, что было мне сказано, очень взволновался. Он рассказал, что много лет тому назад Митрополиту Антонию (Храповицкому), тогда еще молодому епископу, было видение, из которого он понял, что духовное (религиозное) освобождение России свершится между Преображением и Успением Божией Матери.

Сам отец В. уже находясь в одиночном заключении, два раза видел один и тот же сон: он видел себя в церкви, в полном священническом облачении, совершающим литургию. После окончания богослужения, он вышел из алтаря, чтобы принять участие в крестном ходе. Кругом него заколыхались корушви. На каждой из них было написано или Преображение Господне, или Успение Божией Матери.

Промелькнули летние месяцы. Наступил Праздник Преображения Господня. Накануне вечером мы с Н., как обычно, тихоньку правили всенощную. Не помню уж, по какому поводу мы немного поссорились и, недовольные собою, улеглись спать.

Утром, как всегда, с кошелками пошли в кухню получать завтрак. Главный повар, тоже «зак» конечно, окликнул меня: «Вы слышали, сестрица, всех инвалидов освобождают в чистую, без высылки, прямо на все четыре стороны, на свободу. Не зевайте, сестрица!»

Так на Преображение получила я первую весть о возможности Свободы.

Медицинских сестер не хватало. Меня не хотели отпускать. Я воевала, просилась в инвалидный лагерь,

— Да вы там с голоду погибнете, задохнетесь в общих бараках. — грозил комендант.

Но я так приставала к нему, что у него, наконец, лопнуло терпение, он разозлился и объявил, что отправит меня завтра же в инвалидный лагерь, если я такая глупая.

Это было накануне Успения. Я сложила вещи и приготовилась к отъезду. Ночью, часа в два, стук в дверь нашей комнаты. Комендант приказывает впустить его. Входит и торжественно читает телефонограмми из Гулага: я и еще одна сестра досрочно освобождены.

— Утром уезжайте в Гулаг за бумагами.

Приехав в Гулаг, бегу к отцу В. Он встречает меня на пороге.

— Батюшка! я освобождена! ....

Он смотрит на меня:

—Сегодня Успение.

М. ВЕРОНИКА
(Котляревская)

